

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-130-148

УДК 316.4.066

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО, КОТОРОЕ МЫ НЕ ПОСТРОИЛИ (СТРУКТУРНО-ОТРАСЛЕВОЙ АНАЛИЗ)

Говорухин Григорий Эдуардович,

доктор социологических наук,

кандидат философских наук, доцент,

профессор кафедры истории и юриспруденции

Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета,

Россия, 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17/2

ORCID: 0000-0002-9301-7885

govorukhin@mail.ru

Ким Виктория Валентиновна,

кандидат философских наук, доцент,

доцент кафедры философии естественных факультетов

Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,

Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1

ORCID: 0000-0002-5891-6754

vkv-victory@mail.ru

Дудченко Ольга Васильевна,

кандидат филологических наук, доцент,

доцент кафедры иностранных языков

Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета,

Россия, 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17/2

ORCID: 0000-0002-1108-4639

odudchenko@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается государство как социальный институт, историческое образование, политическая система. Отправной точкой для анализа является кризис современных государств, решающих проблему пандемии, выстраивающих новую систему социальных отношений между обществом и государством. В центре внимания авторов находятся российское государство до и после пандемии, социально-политические процессы становящегося постсоветского государства, анализ которых является целью исследования. Поднимаются вопросы создания политического образования на территории постсоветской России, которое условно называется государством, но не является им. Авторы используют метод сравнительно-исто-

рического анализа, обращаясь к истории западноевропейских государств периода распада Римской империи и создания варварских королевств. При анализе постсоветской России проводятся параллели с историей Киевской Руси. В статье предлагается использовать для анализа современного российского государства структурно-отраслевую модель формирования государства. Детерминантой в ней становится не привычная всем территория, а одна из социальных структур прежнего государства, которая начинает доминировать. В результате политических процессов на постсоветском российском пространстве появляется суперсоюз. Еще одним аспектом анализа является обращение авторов к изучению элиты – клиентелы, ее целям и возможностям, соотношению в российском обществе элиты и бюрократии. Исследование механизмов государственного управления дополняется изучением обратной связи, общественной реакции на проводимые социальные преобразования. В статье используются результаты социологических опросов населения Хабаровского края. Авторы приходят к выводу, что пандемия проявила и усилила социальные тенденции в строительстве структурно-отраслевого государства России, обнажив социальные противоречия между властью и обществом.

Ключевые слова: государство, суперсоюз, постсоветское государство, структурно-отраслевая модель, социальные противоречия, власть, общество.

Библиографическое описание для цитирования:

Говорухин Г.Э., Ким В.В., Дудченко О.В. Российское государство, которое мы не построили (структурно-отраслевой анализ) // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 1, ч. 1. – С. 130–148. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-130-148.

Введение

Мировые изменения в экономике, политике, управлении, которые, как принято считать, стали проявлением общей пандемической ситуации, показали слабые места во всех сферах жизни общества и государства. Это кажется понятным на фоне разрушений отраслей хозяйственной деятельности практически всех государств. Выявились две взаимоисключающие стратегии поведения населения: солидарности и конфронтации [17]. Солидарности по отношению к своим и конфронтации с иными, чаще всего представителями властей. Мир будет менять стратегию своего развития в сторону территориальной изоляции, что, конечно, должно захватить как политические системы, такие как государства, так и малые социальные группы [18]. В результате общих тезис исследователей с 2020 года звучит так: после пандемии мир уже не будет прежним [5].

Не будем останавливаться на спекулятивной составляющей вокруг всей ситуации с ковидом, выразим лишь мнение о том, что в государствах скопились социальные проблемы, которые были искусственно подсвечены как раз в 2020 году. И именно в этом ключе общая риторика в отношении

постпандемического мира нам кажется верной. Социальные стратегии общества в условиях угрозы жизни становятся бинарными, руководствуясь принципом «свой – чужой», о чем упоминалось выше. Свои – это представители домашней группы в классическом понимании А. Шюца [21], тогда как чужие – это те, кто в условиях распространения вируса может представлять угрозу.

Властные элиты также выстраивают свою бинарную стратегию взаимодействия с обществом в целом и социальными группами в частности. Для них свои – это те, кто входит в сферу интересов истеблишмента и прозрачен для него в экономическом, политическом, демографическом статусе. Чужие – это социальные невидимки, не отвечающие задачам государства в формате решения конкретных проблем. В таких условиях мир становится общим полем для решения конфликтующими группами своих внутренних проблем [8]. Главный вопрос в том, что же стало социально-политическим основанием заявленного нами поля конфликта помимо самой человеческой природы.

Пандемия для российского государства стала инструментом в решении самых разнообразных задач. Под лозунгом борьбы с ней государство сносит все непрозрачные для него социально-экономические и политические образования на обочину маргинальных связей. Привычные административные отношения, понятные профессиональные связи, которые сформировались в России, оказались дееспособными только в очень узком коридоре заданных параметров вчерашнего дня. А сам вчерашний день, как выяснилось, не имел жестких правил, способных противостоять новым вызовам. В результате когорты людей, бывшие в силу своей профессиональной деятельности (чаще всего предпринимательской) недостижимыми для фискального взгляда государства, были раздавлены «вдруг» возникшими условиями хозяйствования.

Российское государство, не будем говорить о всех прочих государствах огульно, в 2020 году отказалось от социальных невидимок (самозанятых де факто, зарегистрированных де юре, наемных работников коммерческих предприятий). Эти группы в условиях пандемии оказались предоставленными сами себе, поскольку не входили в сферу экономических интересов государства. У российского государства, а вернее всего у российской власти, не оказалось ее выстраданных крепостей, которые она (власть) хотела бы защитить. Да и было ли что защищать и за что бороться? Выяснить, что такое российское государство накануне пандемии и хотела ли современная российская власть бороться за его (государства) сохранение в привычном до пандемического периода виде, является целью нашего исследования.

По существу, это проблема чужеродности самой власти не только для общества, но и для государства. Чужеродность власти на всем протяжении

истории человечества становится заметна в условиях разрушения политических систем. Сквозь призму исторически повторяющихся образов можно проследить футуристическую канву симуляции властью общественной деятельности. И именно в исторических образах кроется понимание различия интересов, казалось бы, единых структур одной системы. В этой связи мы предлагаем провести параллель между постсоветским российским государством, возникшим на постсоветском геополитическом пространстве, и послеримским миром раннего средневековья.

Структурно-отраслевой анализ российской государственности

Сопоставление строится на структурно-отраслевой модели государства, в основании которого находится не территория как таковая, а доминантная структура социальной или политической системы прежнего государства. Суть ее состоит в том, что строительство государства рассматривается не как последовательность территориальных приобретений, а как выстраивание государства из различных структур. При таком подходе внимание исследователя концентрируется на наиболее жизнеспособной структуре политической системы, которая диктует условия построения государства. Такой структурой может быть идеологическая, военная, партийно-номенклатурная, бюрократическая и т. д. На наш взгляд, модель структурно-отраслевого формирования была бы эффективна при анализе становления современного российского государства.

Интересен образ «политической эмансипации», предложенный С. Кэспэ [11]. Как нам кажется, он показывает универсальный характер всех социально-политических процессов в условиях слома политических систем. Мы говорим именно о сломах систем, а не о модернизации. Это такой, если угодно, закон социальных отношений, на основе которого вне времени и вне пространства можно обнаружить матричный алгоритм развития государства.

Политическая эмансипация хорошо просматривается на универсальном примере Римской империи. Римское государство времен принципата представляло собой развернутые административную (с делением территорий на провинции, префектуры, диоцезы), политическую (со сформированным принципом преемственности власти со времен Диоклетиана), идеологическую (с созданием церковного объединения после Никейского собора 325 г.), военную (с закреплением пограничных мобильных малочисленных военных формирований, окончательно сложившихся при Константине Великом) структуры. И все они входили в систему единого Римского государства как дополняющие друг друга органы единого организма. Такое деление империи делало государство жизнеспособным и отвечающим требованиям безопасности как от внешних врагов, так и от внутрен-

них [13]. Буферные территории, заселенные федератами, становились защитным поясом империи от варварских племен [10]. В случае нашествия мобильные легионы были способны в короткое время оказать поддержку федератам. Деление Римской империи на Западную и Восточную позволяло оперативно реагировать на узурпаторов, подавляя внутренние волнения, а также создавало условие для преемственности власти, по крайней мере де юре.

Христианская церковь периода Римской империи, невзирая на внутренние противоречия, установила власть епископов над общинами. После Антиохийского собора в IV веке за епископами закрепились функции управления имуществом церкви [16]. С этого времени началась эпоха административного неапостольского управления церковью, которая становилась со временем административно разветвленной. После крещения в 496 году Хлодвига административное управление церкви, мало чем отличавшееся по своей сути от управления светского, активно заимствовалось многими варварскими королевствами [1]. Политическое влияние церкви являлось определяющим в случае принятия компромиссных политических решений по организации королевств или взаимодействию этих королевств с Восточной Римской империей.

После распада империи в силу обстоятельств уцелела только разветвленная структура христианской церкви (идеологическая структура), которая ассимилировалась с новыми варварскими королевствами. Все прочие имперские структуры последовательно исчезают. И только церковь, которая в первоначальном варианте представляла собой лишь часть организма, перерастает в жизнеспособную систему с самостоятельной административной и политической структурами, а также использует возможности светской власти для решения проблем, требующих силового вмешательства. Церковь стала практически полноценным государством, но поскольку ее основная функция всё-таки идеологическая, она приобрела совершенно автономное существование от всех европейских государств. Сформировалось особое геополитическое пространство христианской церкви.

На примере формирования средневековых государств можно увидеть становление нового политического формирования современной России, возникшего в пространстве бывшего СССР, в основе которого находились архаические формы суперсоюза средневековой Руси.

Это пример того, как государство вырастает не как территориальное образование, что привычно для понимания классической государственности [3]. При поверхностном взгляде на российское государство мы фиксируем наличие всех формальных признаков государства: территория, публичная власть, суверенитет, налоги и армия, гражданство и т. д., т. е. все то, что в теории государства является системообразующим. Однако при

погружении в российскую реальность мы видим лишь симулякр, некую условность, которую можно назвать государством, но которая им не является. Что же это тогда, если не государство? Что в этом политическом образовании становится определяющим?

Необходимым функциональным элементом любого государства является бюрократия. Классическое понимание бюрократии, предложенное М. Вебером, исходит из того, что бюрократ – это человек, обладающий интегративными видами деятельности, в которых обязанности неотделимы от должности [4]. «Бюрократическая структура обращается к полной ликвидации личных взаимоотношений и нерациональных соображений» [14, с. 325]. Такой аппарат в истории России так и не был сформирован. Бюрократия не сформировалась и сегодня, поскольку «рукопожатные» отношения остаются важным условием кооптирования в корпоративную среду руководителей.

Распад СССР перекроил все внутренние управленческие и идеологические структуры государства и породил кланово-племенные битвы на многих отколовшихся территориях страны. На постсоветском пространстве России не возникло государства в привычном нам смысле, в котором каждый гражданин и любой институт является частью государства. Случайным образом возникла иная система отношений, выстроился суперсоюз, основанный не на взаимодействии государства, власти и общества, а на независимости всех политических, экономических и иных игроков. В результате этих битв в России партийно-номенклатурный аппендикс перехватил экономическую и политическую инициативу в государстве и стал создавать собственное управляемое геополитическое пространство. Власть была получена не в итоге серьезной политической борьбы на выборах, а в результате позиционных войн элит. Отсюда заказчиками деятельности власти были не граждане страны, а сами элиты.

В этом случае условием появления государства становится одна из структур прежней политической системы, отвечающая за жизнедеятельность государства лишь в ее ограниченном смысле. В свете такого подхода возможно объяснение внутригрупповых интересов нового политического объединения. Именно в таком ключе мы предлагаем рассмотреть возникновение современного российского государства, структурно-отраслевое формирование которого сделало большую часть общества не только невидимым для государства, но и враждебным. Власть оказалась независимой от экономических, военных, политических структур государства, а как следствие, не имела отношения к интересам общества. Структурно-отраслевое становление современного российского государства пошло от выстраивания сетевых связей между отдельными представителями элит советской партократии.

После ухода Б.Н. Ельцина очередную кланово-племенную войну выиграл В.В. Путин, организовав суперсоюз [2]. В основании этого суперсоюза находится клиентела [19], объединенная социально-профессиональными связями и зависящая от патрона. Сущность этой группы в том, что для нее личная преданность является наиболее важной стратегией выживания, она не стала элитой бюрократического аппарата. Личная преданность и личная зависимость от первого лица делала клиентелу неподсудной для остальной части населения, а само первое лицо – защищенным от возможных узурпаций власти со стороны других групп элит. Победивший в ходе серьезных битв элит В.В. Путин путем проб и ошибок выбрал путь маневра и стал вождем суперсоюза, в который входили различные группы по территориальному (Москва, Санкт-Петербург) или профессиональному (губернаторский корпус, промышленный бизнес) признакам.

Статус первого лица в предложенной нами системе координат достаточно сложен в силу особенности структурно-отраслевого происхождения современного российского государства. В едином геополитическом пространстве приходилось избегать серьезных политических конфликтов, которые были бы заметными за границей государства. В условиях клановых войн получение власти было возможным путем либо уничтожения самих групповых идентичностей элит, либо маневра между этими элитами с созданием надэлитарного формирования – суперсоюза. В случае уничтожения групповых идентичностей необходимо было опереться на одну из таких групп, например, губернаторский корпус. Но это не давало бы первому лицу свободы выбора, поскольку губернаторы стали бы претендовать на некоторый объем власти.

Оставалась возможность найти компромисс между наиболее влиятельными группами в государстве. Распространение клиентских отношений сегодня через институционализацию конкурсов типа «Лидеры России» свидетельствует о том, что клиентела первого эшелона начала размываться, и у власти, в широком смысле слова, возникла потребность кооптировать в свою среду себе подобных. Таким образом, захват власти произошел через распространение клиентских отношений внутри общества.

Модель управления, создаваемая в начале 2000-х годов, отсылает нас к средневековью. В средневековой государственности русские феодальные княжества представляли собой структурные элементы Киевской Руси, а Киев выступал объединяющим центром [9]. Номинально такое государственное формирование было закреплено именем одного вождя [12]. В современной России воссоздается институт вождя, который вне времени и пространства оказывается жизнеспособным на протяжении уже тысячи лет. Это архетипическая модель управления на территории Руси-России. Иными словами, в начале 2000-х годов создается единоначалие, кото-

рое восходит в своей иерархичности к первому лицу государства. Сделаем акцент на том, что во главе отношений стоят не правила или законы, а ситуативное решение первого лица. Не случайна, в этой связи, риторика В.В. Путина в отношении половцев и печенегов в обращении Президента к гражданам о необходимости продления режима самоизоляции (8 апреля 2020 г.). Это тот образ, который напрашивается из исторического контекста ситуации вождизма в суперсоюзе.

Борьба кланов и передел сфер символического влияния привел к победе В.В. Путина и, как следствие, к консолидации власти в руках элиты, во главе которой он шел к власти. После 2005 года В.В. Путин разгромил губернаторский корпус еще ельцинской поры и подчинил себе административно-политическое пространство страны, что было закреплено созданием партии «Единая Россия» и института полпредства, видоизменением Администрации Президента. «Единая Россия» должна была перехватить инициативу на идеологическом поле по всей стране. Со временем стала ясна связка партии и чиновников и появился ОНФ – Общероссийский народный фронт, наделенный контрольными функциями за деятельностью чиновников. ОНФ должен был показать обществу, что президент не всё знает и не за всё несет ответственность, и ему нужно помочь выявить нарушения этакратии. Иначе говоря, интересы президента и интересы региональных элит начали расходиться. В результате параллельно с ОНФ возникают, как бы по собственной инициативе, общественные Советы при органах исполнительной власти во всей стране. Эти Советы призваны были объединить все профессиональные группы государства, продвигать общественные инициативы. Так должна была быть образована связка президента и общества.

В суперсоюзе своим будет считаться тот, кто обеспечивает социальную и финансовую мощь власти, тогда как чужак – это тот, чья деятельность оказывается направленной не на благо союзу или же ему во вред. Здесь нет инакомыслящих, здесь есть мыслящие правильно или неправильно. В таком разрезе социальные невидимки, о которых мы писали ранее, становятся чужаками, поскольку напрямую не приносят пользы. Все, кто не входит в суперсоюз, рассматриваются как чужаки, впрочем, с сохранением возможности пройти обряд инициации (президентский кадровый резерв, «Лидеры России», конкурс «политологов» и пр.).

Выстроенная модель государственного правления действует согласно заданным параметрам суперсоюза, наращивая мощь своего влияния. Любой такой союз существует благодаря реальной мышечной массе силового аппарата (армия, Росгвардия, ОМОН) и политических союзов (партийная система, номенклатурные связи), где проигрывается принцип сопричастности «общему делу» (верности вождю). Здесь допускаются вольности в

критике административной системы, которая понимается как самодостаточная и независимая от вождя, но не как критика самого вождя.

Более того, накопленная сила объединенных внутренних ресурсов «племен» действует в соответствии с идеей Э. Хобсбаума: если есть оружие, оно не может не быть применено [20] и будет применяться через провокации со стороны суперсоюза. Созданная система не может не использовать накопленный ресурс, проверяя установленный паритет на прочность, выходя за рамки своего круга, демонстрируя свои возможности. Представители суперсоюза подчиняются внутренним правилам, действующим по отношению к своим. По отношению к другим правил не существует, там работают «законы сафари» (нарушения правил дорожного движения, несоблюдение общепринятых норм в социальном пространстве и т. п.).

Однако, похоже, В.В. Путину не хватило времени и сил заниматься деталями по созданию филиалов собственной власти. Местные элиты применяли и применяют тактику «итальянской забастовки». Внешне они были согласны с решениями федерального центра, а на деле по примеру вождя создавали свои клановые группы. Само общество же уходило от давления федерального центра путем создания альтернативных систем неформального политического влияния, что политологами претенциозно называлось аполитичностью, а на самом деле является формой скрытого протеста. Откровенными демаршами против суперсоюза были приход во власть губернаторов Хакасии В. Коновалова, Хабаровского края – С. Фургала, а также очевидная неоднородность голосования за изменения в Конституцию.

На Дальнем Востоке России, как показали события 2018 года в Приморье и 2018–2020 годов в Хабаровском крае, якобы аполитичность населения трансформировалась в социальные протесты. В Приморье общее недовольство властью удалось купировать [7], а вот социальные протесты Хабаровского края отсечь не удалось. В большем масштабе и с явно выраженным политическим оттенком эти протесты с 2021 года охватили территорию всей страны.

Реакция общества (по данным социологических исследований в Хабаровском крае)

Изложенный выше теоретический анализ касается в основном позиции властных структур, но государство включает в себя также и общество, так или иначе реагирующее на социальные проблемы и процессы. Проблема внутривластной ситуации в России состоит не в том, что архаичные формы суперсоюза сохранились до XXI века, а в том, что система отношений, которая приходит вместе с таким управлением, не устраивает население страны, что можно обнаружить на примере уже активно протестного Хабаровского края.

Для определения работоспособности выстроенной системы необходимо обратить внимание на общество, на социальную реакцию и оценку политических процессов, которые были выявлены в ходе эмпирических исследований. Их целью была фиксация социального настроения, определение болевых точек, значимых для населения. Социологические исследования населения Хабаровского края¹, проведенные с помощью метода фокус-групп, показали, что на бытовом уровне отношение к происходящему проявляется в недовольстве людей некомпетентностью власти либо откровенной ложью со стороны ее представителей; демонстрацией властью своих побед, которые неинтересны обществу. Недовольство выражается в явно агрессивной риторике жителей региона. Эти факторы показывают поляризацию интересов власти и общества.

Риторика представителей власти воспринимается обществом как разговор врача с душевнобольным: *Когда слушаешь Владимира Владимировича, он тебе рассказывает, что у нас самые низкие цены на бензин и мы ещё пытаемся снизить, сидишь, и думаешь, дурак я, что ли? (Ванино)* Подобный формат коммуникации применяется для людей, чье мнение не важно, социальных невидимок, о чем мы говорили выше. В социальной системе координат суперсоюза это указания племенного вождя обслуживающему персоналу [15]. Респондент не представляет большого интереса для транслятора информации, а само информационное поле, задаваемое властными структурами, неинтересно населению. Совершенно очевидно, что в такой условной коммуникации власти и населения референт и референция у субъекта и объекта разные.

Л. Мэмфорд полагал, что для существования взаимодействия внутри политических формирований или общества необходимо, чтобы «разно-

¹ Отчет по результатам фокус-групп, проводившихся в Хабаровском крае 12–21 февраля 2019 года накануне выборов депутатов Законодательной думы Хабаровского края. Было проведено 12 фокус-групп с избирателями: 3 – в г. Хабаровске, 2 – в г. Комсомольске-на-Амуре, по одной – в Николаевске-на-Амуре, Бикине, Вяземском, Переяславке, Солнечном, Ванино, Советской Гавани. Выборка респондентов квотная. Заданные параметры квот: пол, возраст, место жительства. Общее количество опрошенных 120 человек.

Исследовалось социальное самочувствие жителей Приамурья (Амурская область, ЕАО, Хабаровский край) в связи с реализацией государственных программ по развитию Дальнего Востока и осуществлению на территории ДФО крупных проектов в сфере инфраструктурного и промышленного строительства, логистики, ТЭК, освоения космоса и созданию территорий опережающего развития. Март–июнь 2016 года. Методы опроса фокус-группы в девяти населенных пунктах Приамурья (г. Благовещенск, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Биробиджан, Белогорск, Свободный, Шимановск, Советская Гавань, п.г.т. Февральск). Общее количество участников – 140 человек. Заданные параметры квот: пол, возраст, место жительства, род занятия. Экспертные интервью с представителями административно-политической элиты регионов Приамурья, представителями инвесторов, реализующими крупные проекты на территории региона, представителями СМИ. В рамках исследования проведено 31 интервью.

образное множество институтов существовало отдельно друг от друга, периодически сталкиваясь в местах общественных встреч» (цит. по: [6, с. 361]). В современном российском коммуникативном пространстве таких «общественных встреч» между обществом и властью нет.

Претензии населения идут как к представителям местной власти, так и к президенту лично. И некомпетентность, и прямой обман чиновников рассматриваются населением как враждебные действия со стороны власти.

Накануне выборов наш предыдущий губернатор (В. Шпорт) откровенно заявил, что у нас тут такие зарплаты хорошие... И Шпорта «прокатили» рыба, зарплата медиков, средняя зарплата по краю, он наврал. (Хабаровск)

Можно я скажу? Вчера Владимир Владимирович (Путин) сказал, что ипотека сейчас уже для семей с двумя детьми под 6,5 % годовых. Мне мама говорила: «А что вы не покупаете?», говорю, что 10–11 %. Может быть, ему отчитались, что 6,5 %, по факту 10–11 %. Кто кого обманывает, он нас или его? (Ванино)

Говорят по безработице, что провели опрос, у нас безработицы всего 3–4 %, когда на самом деле безработицы у нас процентов 40, если не больше... А знаете, почему безработица? Я же тоже долго стояла на бирже, нас просто вынуждают, чтобы мы уходили из биржи, мы не были зарегистрированы. А по цифрам судят о том, что... нас вынуждают, чтобы мы ушли оттуда. (Николаевск-на-Амуре)

Население и власть не просто не понимают друг друга. Последние два года явно нарастает враждебность со стороны населения к подобной навязанной информации. Ответы респондентов показывают, что власть себя дискредитировала, но самое главное, она еще и бравирует большими проектами, которые не очень понятны людям.

Дальний Восток развивается активно, сюда вкладываются деньги, люди сюда приезжают, социальные экономические делают программы. Но на самом деле это все ширма, ничего тут нет, всё разваливается, всё раскисает, всех травят. (Комсомольск-на-Амуре)

На фоне победных реляций губернатора Хабаровского края В. Шпорта накануне выборов 2018 года о запуске новой модели военного самолета, строительстве огромного диагностического центра, строительстве очередного заводского комплекса общее настроение людей такое:

Бензин дорожает, на пенсию теперь не уйдёшь, работы нет, зарплаты низкие, коммунальные услуги все подорожали. Детей как учить? (Советская Гавань)

Понимаете, первая проблема – это, конечно, рост цен, который никто не может остановить... Это пенсии. Я даже не беру дороги. Если посмотреть на пенсионеров, то просто на грани. Могу сказать точно, что люди уже на грани... возможности существования. (Переяславка).

А вот иногда на стариков посмотришь, когда с трясущимися руками смотрят, что бы выбрать. Какие-то жалкие печенюшечки берут. И я думаю, неужели у меня будет такая же старость? (Хабаровск)

Общее недовольство жителей касается и внешней политики государства в отношении гуманитарной помощи за рубежом.

Сверните в другую сторону... Здесь тоже много нуждающихся. (Вяземский)

Наши пенсионеры, как говорится, им не помогают. Еще люди говорят, что помогают другим странам: Сирии, ДНР, ЛНР, это надо. А своим детям? Собираем деньги на детей, а туда бесплатно. Бабушка приходит в магазин и считает копейки, на булку хлеба ей не хватает. Вот что обидно, за наших стариков. За что воевали, чего мы добились? За что наши деды полегли? Мужчины в 59 лет физически вкалывали, не доживали, надо нашим помогать. (Переяславка)

Хватит нам помогать кому ни попадя. Допустим, Сирия, – вот просто бесит, когда в новостях читаешь, нашим бабушкам или малообеспеченным есть нету. (Хабаровск)

Почему мы должны прощать огромные долги различным другим странам? В то же время нашему Хабаровскому краю повесили этот огромный долг, который заработал предыдущий губернатор... Почему мы прощаем различным странам миллиарды и большие долги, но сами мы должны пытаться перебиваться с копейку на копейку и выплачивать долги, которые заработали не мы? (Хабаровск)

Как следствие, жители отмечают следующее.

Агрессивный настрой у людей, очень агрессивный. И действительно такое состояние, если описать, что спичку зажечь, и просто взорвется поселок. (Ванино)

Уже всё сделано, чтобы народ реально вышел с вилами. И они не останавливаются... Решающие события: Пенсионный фонд (увеличение пенсионного возраста), НДС, запрет рыбалки, охоты, даже хотя бы этого достаточно. Это то, что мне сейчас на ум пришло. (Комсомольск-на-Амуре)

19-й год он правит страной. Ну и что мы видели хорошего? Всё хуже, хуже и хуже становится... Ещё чуть-чуть, и будет война... И взрыв будет. Гражданская война не за горами, если так продолжится, это просто... (Николаевск-на-Амуре)

Приведенные высказывания жителей региона свидетельствуют о нарастании социального кризиса, об углубляющейся поляризации власти и общества. Аполитичность и глухое недовольство, перерастаемые в явную социальную реакцию, есть следствие устоявшейся политической системы, сосредоточенной на решении значимых «для себя» проблем и не обращающей внимание на обратную реакцию со стороны общества.

Заключение

В условиях сложившейся системы отношений власть не только не хотела, но и не могла бы сохранить допандемический статус кво в государстве, поскольку в реальности существует суперсоюз, не отвечающий интересам ни одной из социальных групп населения, включая властные элиты. Можно констатировать, что накануне пандемии в России не были созданы приемлемые для всех участников социальных действий правила игры.

Эти правила должны были бы стать крепостными редутами для административного аппарата современной России. И, собственно, именно эти правила и должна была бы защищать власть от локдауна и, в более широком виде, от экономических потрясений. Вместе с тем было уничтожено множество социальных невидимок при попытке кооптации их в систему координат суперсоюза.

В результате мы видим, что в современной России была реализована структурно-отраслевая модель государства, создан суперсоюз, фактически существующий лишь для элиты-клиентелы. Архаичность суперсоюза проявляется в воспроизводстве традиционных механизмов решения проблем, апелляции к истории и славному прошлому, эксплуатации патриотизма и т. п. Данный подход позволяет объяснить несформированность современного государства на российской территории, невидимость общества для власти, зацикленность власти на одних и тех же вопросах и методах. Выстроенная на самодостаточности административной системы власть в суперсоюзе приводит сегодня к эскалации напряженности и недовольству со стороны общества не столько самими бытовыми проблемами, сколько циничным игнорированием этих проблем со стороны всех представителей власти. Власть не воспринимается обществом как инструмент по удовлетворению интересов граждан, а понимается как объективное неизбежное зло, которое в лучшем случае не мешает жить, а в худшем – становится откровенным врагом. 2020 год в этом смысле лишь перенес акценты недовольства населения в плоскость бытовых проблем, связанных с пандемией, но не заложил основу для законного равноправия всех граждан.

Литература

1. Бедуэлл Г. История Церкви // Библиотека Гумер. – URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Vuks/History_Church/bedyel/04.php (дата обращения: 31.01.2022).
2. Бирюков С.В. Клиентела как основание региональной политической власти // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2010. – № 2 (6). – С. 30–41. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klientela-kak-osnovanie-regionalnoy-politicheskoyvlasti/viewer> (дата обращения: 31.01.2022).
3. Вебер А. Принципиальные замечания к социологии культуры. Общественный процесс, процесс цивилизации и движение культуры / пер. М.И. Левиной // Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. – СПб.: Университетская книга, 1998. – С. 7–40. – URL: http://krotov.info/library/03_v/eb/er_a_01.htm (дата обращения: 31.01.2022).
4. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. 1. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. – 565 с.

5. Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Глобальная социология пандемии: отечественные и зарубежные сценарии и тренды послекоронавирусного мира // Гуманитарий Юга России. – 2020. – Т. 9, № 2. – С. 17–32. – DOI: 10.18522/2227-8656.2020.2.1.
6. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2005. – 528 с.
7. Говорухин Г.Э., Дудченко О.В. Выборы 2018 года в России как кризис власти. На примере Хабаровского края // Свободная мысль. – 2019. – № 3. – С. 107–116.
8. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. – М.: РОССПЭН, 2002. – 287 с.
9. Довженко В.И. Киев – центр Руси в период феодальной раздробленности // Украинский исторический журнал. – 1959. – № 6. – С. 89–98.
10. Ермолова И.Е. Римская империя и федераты в IV веке // Новый исторический вестник. – 2001. – № 2 (4). – С. 33–44. – URL: http://www.nivestnik.ru/2001_2/3.shtml (дата обращения: 31.01.2022).
11. Каспэ С. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. – М.: Моск. шк. полит. исслед., 2007. – 320 с.
12. Котышев Д.М. Русская земля в X–XII вв.: центр и периферия // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – 2016. – № 5. – С. 233–252. – DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00016.
13. Аммиан Марцелин. Римская история. – СПб.: Алетейя, 1994. – 561 с.
14. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ: Хранитель, 2006. – 873 с.
15. Овакьян М.А. Проблемы и перспективы взаимодействия муниципальной власти, предпринимательства и местного общества: опыт России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2012. – № 2. – С. 38–45. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-vzaimodeystviya-munitsipalnoy-vlasti-predprinimatelstva-i-mestnogo-soobshchestva-opyt-rossii> (дата обращения: 31.01.2022).
16. Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. – М.: Политиздат, 1987. – 336 с.
17. Семина Т.И., Тыртышный А.А. Социальная солидарность и конфронтация в период пандемии коронавируса COVID-19: социальные и правовые аспекты // Образование и право. – 2020. – № 7. – С. 11–20. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-solidarnost-i-konfrontatsiya-v-period-pandemii-koronavirusa-covid-19-sotsialnye-i-pravovye-aspekty> (дата обращения: 31.01.2022).
18. Сысоев Т., Добров Е. Как изменятся общественные и государственные структуры, система образования и здравоохранения, рынок труда и привычки социума после эпидемии // Эксперт. – 2020. – 06–12 апреля. – URL: <https://expert.ru/expert/2020/15/15-obrazov-mira-posle-koronavirusa/> (дата обращения: 31.01.2022).
19. Фроянов И.Я. От племенного союза к союзу союзов племен // Фроянов И.Я. История России от древнейших времен до начала XX века. – URL: <https://history.wikireading.ru/104169> (дата обращения: 31.01.2022).

20. Хобсбаум Э. Век революции. Европа, 1789–1848. – Ростов н/Д.: Феникс, 1999. – 477 с.

21. Schutz A. The Homecomer // Schutz A. On Phenomenology and Social Relation. – Chicago: The University of Chicago Press, 1970. – P. 294–308.

Статья поступила в редакцию 17.09.2021.

Статья прошла рецензирование 14.10.2021.

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-130-148

THE RUSSIAN STATE WE HAVE NOT BUILT (STRUCTURAL AND INDUSTRIAL ANALYSIS)

Govorukhin, Grigory,

*Dr. Sc. (Sociology), Cand. of Sc. (Philosophy), Associate Professor,
Professor, Department of History and Jurisprudence,
Amur State University of Humanities and Pedagogy,
17/2 Kirova Street, Komsomolsk-na-Amure, Khabarovsk kray, 681000, Russian Federation*
ORCID: 0000-0002-9301-7885
govorukhin@mail.ru

Kim, Viktoriya,

*Cand. of Sc. (Philosophy), Associate Professor,
Associate professor, Department of Philosophy of Science Faculties,
Lomonosov Moscow State University,
GSP-1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*
ORCID: 0000-0002-5891-6754
vkv-viktory@mail.ru

Dudchenko, Olga,

*Cand. of Sc. (Philology), Associate Professor,
Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Amur State University of Humanities and Pedagogy,
17/2 Kirova Street, Komsomolsk-na-Amure, Khabarovsk kray, 681000, Russian Federation*
ORCID: 0000-0002-1108-4639,
odudchenko@yandex.ru

Abstract

The article considers the state as a social institution, historical formation and political system. The crisis of modern states that have to deal with the problem of the pandemic, building up a new system of social relations between the state and the society is a starting point for the current analysis. The authors focus on Russia before and after the pandemic. Social and political processes of the post-Soviet state are in the center of investigation too. The authors also touch upon the question of a political entity created on the territory of post-Soviet Russia, which is the state nominally but not objectively. The authors use a comparative-historical analysis appealing to the history of the West European states of the period of the Roman Empire disintegration as well as barbarian kingdoms creation. Analyzing post-Soviet Russia the authors draw some parallels with Kiev Russ. They also suggest a structural and industrial model of the state formation in order to analyze the modern Russian state: one of the social structures of the former state became a determinant and dominating factor, and that is not territory, though it is more customary to think so. The super union appeared on the post-Soviet territory as the result of some political processes. One more aspect of

the analysis is the investigation of the elite, i. e. clientele, its purposes and opportunities, as well as the correlation of the elite and bureaucracy in the Russian society. The investigation of the state management mechanisms is completed with the social reaction analysis, feedback on the social changes performed. The authors present the results of sociological investigations of the Khabarovskiy Kray population. In the conclusion, the authors say that the pandemic revealed and made stronger some social tendencies in building a structural and industrial state manifesting social conflicts between power and society.

Keywords: state, super union, post-Soviet state, structural and industrial model, social conflicts, power, society.

Bibliographic description for citation:

Govorukhin G., Kim V., Dudchenko O. The Russian State We Have Not Built (Structural and Industrial Analysis). *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 1, pt. 1, pp. 130–148. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-130-148.

References

1. Bedouelle G. Istoriya Tserkvi [The reform of Catholicism]. *Biblioteka Gumer* [Library Gumer]. (In Russian). Available at: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/History_Church/bedyel/04.php (accessed 31.01.2022).
2. Birukov S.V. Klientela kak osnovanie regional'noi politicheskoi vlasti [Clientelism as the basis of the regional political power]. *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa = The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2010, no. 2 (6), pp. 30–41. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/klientela-kak-osnovanie-regionalnoy-politicheskoy-vlasti/viewer> (accessed 31.01.2022).
3. Weber A. Printsipial'nye zamechaniya k sotsiologii kul'tury. Obshchestvennyy protsess, protsess tsivilizatsii i dvizhenie kul'tury [Prinzipielles zur Kultursoziologie. Gesellschaftsprozess, Zivilisationsprozess mid Kulturbewegung]. Weber A. *Izbrannoe: Krizis evropeiskoi kul'tury* [Der dritte oder der vierte mensch. Abschied von der bisherigen geschichte]. St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1998, pp. 7–40. (In Russian). Available at: http://krotov.info/library/03_v/eb/er_a_01.htm (accessed 31.01.2022).
4. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie*. T. 1. 5. rev. Aufl. Tübingen, J.C.B Mohr (Paul Siebeck), 1921 (Russ. ed.: Veber M. *Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii*. T. 1. Moscow, HSE Publ., 2016. 565 p.).
5. Volkov Yu.G., Kurbatov V.I. Global'naya sotsiologiya pandemii: otechestvennye i zarubezhnye stsennarii i trendy poslekoronavirusnogo mira [Global Pandemic Sociology: Domestic and Foreign Scenarios and Trends of the Post-Coronavirus World]. *Gumanitarnii Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*, 2020, vol. 9, no. 2, pp. 17–32. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.2.1.
6. Giddens A. *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration]. 2nd ed. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2005. 528 p. (In Russian).

7. Govorukhin G.E., Dudchenko O.V. Vybory 2018 goda v Rossii kak krizis vlasti. Na primere Khabarovskogo kraja [Elections of 2018 in Russia as crisis of authority. On an example of Khabarovsk region]. *Svobodnaya mysl' = Free Thought*, 2019, no. 3, pp. 107–116. (In Russian).

8. Dahrendorf R. *Der moderne soziale Konflikt. Essay zur Politik der Freiheit*. München, Deutscher Taschenbuch, 1994 (Russ. ed.: Darendorf R. *Sovremennyyi sotsial'nyi konflikt. Ocherk politiki svobody*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 287 p.).

9. Dovzhenok V.I. Kiev – tsentr Rusi v period feodal'noi razdroblennosti [Kiev as the Center of Rus in the period of feudal split]. *Ukrainskii istoricheskii zhurnal = Ukrainian Historical Journal*, 1959, no. 6, pp. 89–98. (In Russian).

10. Ermolova I.E. Rimskaya imperiya i federaty v IV veke [Rome Empire in IV century]. *Novyi istoricheskii vestnik = The New Historical Bulletin*, 2001, no. 2 (4), pp. 33–44. Available at: http://www.nivestnik.ru/2001_2/3.shtml (accessed 31.01.2022).

11. Kaspe S. *Tsentry i ierarhii: prostranstvennye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma* [Centers and Hierarchies: Space Metaphors of the Power and Western Political Form]. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy Publ., 2007. 320 p.

12. Kotyshev D.M. Russkaya zemlya v X–XII vv.: tsentr i periferiya [Russian Land in X–XII cent.: the Centre and the Periphery]. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*, 2016, no. 5, pp. 233–252. DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00016.

13. Ammianus Marcellinus. *Rimskaya istoriya [Res Gestae]*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1994. 561p. (In Russian).

14. Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow, AST Publ., 2006. 873 p. (In Russian).

15. Ovakimyan M.A. Problemy i perspektivy vzaimodeystviya munitsipal'noi vlasti, predprinimatel'stva, i mestnogo obshchestva: opyt Rossii [The Problems and Perspectives of Cooperation of Municipal Power, Entrepreneurship and Local Community: Russian Experience]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*, 2012, no. 2, pp. 38–45. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-vzaimodeystviya-munitsipalnoy-vlasti-predprinimatelstva-i-mestnogo-soobshchestva-opyt-rossii> (accessed 31.01.2022).

16. Svetsitskaya I.S. *Rannee khristianstvo: stranitsy istorii* [Early Christianity: pages of history]. Moscow, Politizdat Publ., 1987. 336 p.

17. Semina T.I., Tyrtysnyy A.A. Sotsial'naya solidarnost' i konfrontatsiya v period pandemii koronavirusa COVID-19: sotsial'nye i pravovye aspekty [Social solidarity and Confrontation During the Covid-19 Coronavirus Pandemic: Social and Legal Aspects]. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2020, no. 7, pp. 11–20. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-solidarnost-i-konfrontatsiya-v-period-pandemii-koronavirusa-covid-19-sotsialnye-i-pravovye-aspekty> (accessed 31.01.2022).

18. Sysoev T., Dobrov E. Kak izmenyatsya obshchestvennye i gosudarstvennye struktury, sistema obrazovaniya i zdravookhraneniya, rynek truda i privyчки sotsiuma posle epidemii [How everything will be changed after the epidemic: social and state structures, education and healthcare systems, labour market and socius's habits]. *Ekspert*,

2020, 06–12 April. (In Russian). Available at: <https://expert.ru/expert/2020/15/15-obrazov-mira-posle-koronavirusa/> (accessed 31.01.2022).

19. Froyanov I.Ya. Ot plemennogo soyuza k soyuzu soyuzov plemen [From tribal union to the union of tribal unions]. Froyanov I.Ya. *Istoriya Rossii ot drevneishikh vremen do nachala XX veka* [History of Russia from ancient period to the beginning of XX century]. Available at: <https://history.wikireading.ru/104169> (accessed 31.01.2022).

20. Hobsbaum E.J. *The Age of Revolution, 1789–1848*. Cleveland, World Pub. Co., 1962, (Russ. ed.: Khobsbaum E. *Vek revolyutsii. Evropa, 1789–1848*. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1999. 477 p.).

21. Schutz A. The Homecomer. Schutz A. *On Phenomenology and Social Relation*. Chicago, The University of Chicago Press, 1970, pp. 294–308.

The article was received on 17.09.2021.

The article was reviewed on 14.10.2021.